

Автор полосы Марина ЗАЙОНЦ

В поисках нечаянного счастья

Размышляя о странностях известной в театральных кругах премии "Золотая Маска", случившейся в прошлом году, довольно мне написать ("ЗС", № 13, 1997) о давним полемическим задором, что, дескать, нельзя сводить в конкурсной афише периферийные и московские спектакли, нельзя их сравнивать, если не играть в поддавки. Впрочем, я тут же и оговорилась, что ежели кто назовет мне хоть один провинциальный спектакль, затмивший все наши московские впечатления, немедленно изменю своим убеждениям. Наверное, для того, чтобы я не изменяла себе (нас учили, что это нехорошо), на призыв никто не откликнулся. Нет, несогласных, конечно же, оказалось много, но возразили все больше как-то вообще и в принципе, а спектаклей, поразивших воображение, не называли, хотя убей. Убеждающая "Маска" поспела, новые спектакли готовятся к приезду в Москву, а восторгов по-прежнему не слышно. Так что приходится самой себе опровергать.

В городе Новосибирске, ставшая уже больше года иррегулярным спектаклем, который под Рождество мне सब изумленным взором нескольких московских критиков, легко затмил скудные впечатления нынешнего московского сезона и, ничуть не смущаясь, встал вровень с достижениями сезона прошедшего. Не просто можно сравнить, но еще и неизвестно, что по пользе сравнение выйдет. Задюно ланурилось, что "Золотая Маска" как известно, радующая за судьбу провинциального театра, этот спектакль не то чтобы не отобрала, а просто не посмотрела. Недосуд было. Но это так, реплика в сторону. Не в "Маске", в конце концов, счастье, а как выяснилось, в спектакле, который, кажется, уже давно пора назвать.

Пожалуйста, называю "Дядя Ваня". Но в московском издании, драматический театр "Рижский" Сергея Афанасьева. Или, это, мне кажется, стоит запомнить. А если читатель готов тотчас недоверчиво воскликнуть: "Кто такъв? Почему не знаю?", то не стесняйтесь, восклицайте! И мы, со стороны, не будем ни доваряли и удивлялись, совсем как вы.

Афанасьев — мало что сибиряк, так еще, говорят, многоповинный человек, за что в Москве его немедленно исключили из Театру Платона. Молодые режиссеры считают в никак не может, не знаю, есть ли ему сирок, но, если нет, то будет совсем скоро. Давным-давно закончил институт Культуры, как положено, вел самостоятельный коллектив, и был замечен проницательными сотрудниками Кабинета народных театров доверственного ВТО. Их стараниями Афанасьев был приписан к семинару З.Я. Коргодского (тогда еще главного режиссера Ленинградского ТЮЗа), и первые уроки режиссуры получил именно там. Потом был режиссерский факультет Цуцкинского училища, и — создание театра. Ему (театру, конечно) исполняется в мае 10 лет.

За эти годы пережито много самого разнообразного. Неприятие коллег, интриги, отсутствие помещения и денег, и тому подобная чепуха. Словом, ничего нового. Новое, пожалуй, в том, что Афанасьев не сломался, а как-то, напротив, набрал силу и выиграл пока первый раунд у судьбы, которую в его случае совсем не хочется называть злодейкой. В прошлом году к нему пришел успех, а точнее слава (потому что успех сопровождается ею, оказывается, давно, только об этом мало кто знал), пока, правда, в местном масштабе цен. Так или иначе, год выпал урожайный — звание "человек года", потом нечто еще более загадочное: "сибиряк года", в новосибирском конкурсе наподобие "Золотой Маски", проводимом отделением СГД, спектаклю "Дядя Ваня" досталось сразу два приза — за лучшую режиссуру и за исполнение мужской роли (примю получил исполнитель роли Войничкого Сергей Новиков). И наконец, мэр города взял театр под опеку и выделил ему новое помещение, которое уже собираются перестраивать.

Соведливее на него дары Афанасьев воспринимает, безусловно, с юмором, но и с достоинством тоже. Интересно, что в нем совсем нет комплексов провинциала, он вполне знает себе цену, и эта спокойная, несуетливая уверенность помогает ему жить. Она проистекает не от зазнайства, не из мани величия, а оттого, что режиссер хорошо владеет профессией.

Не так давно в Новосибирске прошел второй по счету международный Рождественский фестиваль искусств. Прошел с размахом столь паразитическим, что в голову немедленно полезли поучительные слова старой дотской пензенки: кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет. В данном случае, как вы сразу же и догадались, пашались деньги, обеспечившие размах, но еще и то, что ни за какие доллары не обретешь, — упорство и талант организаторов. В течение двух недель в семи новосибирских театрах, городской филармонии и дворцах культуры при переполненных залах игрались драматические и музыкальные спектакли, устраивались концерты. А кроме того — открывали выставки, проводили мастер-классы, читали лекции. Драматический театр был представлен спектаклями, плавню переизжующими с одного международного фестиваля на другой: "Братья и сестры" и "Gaudeamus" труппы Альва Додина, "Боаки и овцы" и "Владимир III степени" Мастерской Петра Фоменко, литовский "Маскарад" Римаса Туминаса, "Шинель" болгарского театра "Креда". Эти спектакли вы скорее всего видели или читали о них в газетах в том числе и в "ЗС". Рядом с ними в афише фестиваля со скромным достоинством располагались новосибирские спектакли, пока не столь знаменитые. Впрочем, о спектаклях театра "Глобус" критики пишут давно и часто, "Зайкину квартиру" из "Красного факела" пришеют на "Золотую Маску", а наш рассказ — совсем о другом.

Хочу только предупредить, что какой бы то ни было значительности, пафосного надбавья, непременно "мук творчества" — этого готового набора для скорейшего приготовления "вечного, возвышенного и духовного" искусства нет в его спектаклях. И, прости господи, "новый форм" в них тоже нет. Зато есть то, что называется легкое дыхание.

А теперь представьте себе — в маленьком залежке всего на 30 мест, в ДК какой-то Октябрьской революции (конечно же, на улице Ленина), где театр играет свои спектакли, ставятся: "Чаика" и "Дядя Ваня", "Плутни Скапена", "Шлоды просвещения", "Сны Гамлета" по Шекспиру (что сей сон значит, не знаю, но поклонники хвалят, я друзей утверждаю, что режиссер поиграл тут в постмодернизм и, манявшись, бросил). "Великолепный рококо" и "Утиная охота", спектакли по Хармсу, Шукшину, Горину.

На самом деле мы видели у Афанасьева два спектакля, и тот, что показали перед "Дядей Ваней" — простенький, провинциальный водвил "Шутки в глухомани" новосибирского автора Игоря Муренко, тоже был хорош. Чем-то напомнил "Провинциальные анекдоты" Вампилова, только без его жесткости. К этим "Шуткам" трудно подобрать характеризующие увиденное эпитеты, нехорошо выписывать слова, затертые до неприличия, типа: добрый, человечный и тому подобно. Вот, пожалуй, хорошие слова — "снисходительный". Тут нет никакого унижающего оттенка, просто режиссер внимателен к другому, чужому для него человеку и относится к нему соучастием. Даже когда шутит.

Эпитет "снисходительный" подойдет и "Дяде Ване". Он даже в каком-то смысле принципиален для него. Несчастных чеховских героев в тщетной попытке сказать о них хоть что-нибудь новое то поднимали и нас куда то ваяли, так что не дотянулись, то превращали в жалких, ничтожных неудачников. Афанасьев никого не судит, и не оправдывает. В его спектакле все правы, все виновны, и всех жалко. Режиссера вообще не занимают оценки, он всего лишь внимательно читает старый текст и кое-что неожиданно из него вычитывает. Ну, например, обращая ли вы внимание, что Соня, блаженка, милая Соня — колдунья своей блаженкой. Тот же трагичный восторг, готовность поклониться. Одна семья, родные — в этом все дело, тут, пожалуй, и открытие. И нежная, бессильная любовь Войничкого к сыну сыграла впервые. И его бросок именно в ней в момент отчаяния действует сильнее шумных и нелепых чеховских выстрелов.

Интересно, что скандаль, выстрелы и прочую кутерьму Афанасьев в своих неписанных правилах, не сделал драматической кульминацией спектакля. Она случилась раньше, в ночь после грозы. Помните, Елена Андреевна хотела сыграть на роле, но пришла от отца Соня и сказала: "Нельзя"? В пространстве отведенном Афанасьеву для игры, роль "Момчилина" не мой, и милая женщина Елена решилась петь. Выслушала запрет и — запела. Не бунтует, не демонстрирует характер, а просто потому, что жить хочется. На эти робкие звуки петь начали оба, а потом дошли и к ним. Выходит, Елена и Соня — саванна. Астрова и друг Елены и — любовники. По очереди читали стихи, пели, пробую голос уже в полную силу, и в конце концов грянул "Дубинишка". Боже мой, как они пели! Описывать не берусь — в этот момент смех и слезы, одинаково мешали вашему обозревателю исполнять свой критический долг.

Рассказывать о спектакле можно бесконечно, в нем еще много именно таких, не броских, но как-то заново освещенных моментов. Очень хорошо играют актеры, даже те, кто от природы одарен не слишком — их поддерживает и возмущает обций, верно выбранный тон. Более других поразил Астров, надменный другим мощным, притягивающим, чисто мужским талантом, о котором, вероятно, и писал Чехов (забыв уточнить только, как, какими средствами этот талант можно представить на сцене). Его играет пригласенный из "Красного факела" актер Владимир Лемешонков, постоянный, прочем, соратник режиссера Афанасьева. Но все же пора остановиться. Отчасти из-за интриги (интересно же: раззадорить и бросить), но более всего потому, что в начале июня в рамках Чеховского фестиваля этот спектакль смогут увидеть в Москве. А немосквичи, может быть, увидят его на других каких-нибудь фестивалях, на которые спектакли Сергея Афанасьева, безусловно, стоит приглашать.

Уже в Москве выяснилось самое забавное — на предыдущем Рождественском фестивале в Новосибирске два года назад с другими московскими критиками случилось все то же самое. Совершенно случайно забрели они к Афанасьеву в театр, увидели "Великолепного рококо" и анули. Разве что, вот на Чеховский фестиваль их рекомендовали. Тут-то и была ошибка. Нам с вами пришлось ждать так долго.

● Астров — Владимир Лемешонков
Фото Геннадий СЕДОВ

Экран и сцена